

Ветер незаметно просочился сквозь щели в дверях. Подхватив горсть снежной пыли, он закружил её над столом и опустил прямо перед человеком в сером одеянии — Чжун Дэю. Снежинки упали на пол, подтаяли и бесследно исчезли.

Вместе с ними, казалось, остановилось и сердце Чжун Дэю.

Ошеломлённый, он во все глаза уставился на человека, который только что открыл лицо.

Признаться, поначалу этот незнакомец не произвёл на него никакого впечатления — разве что веяло от него неистребимым запахом лекарств да болезненной бледностью. Он кутался в плотную одежду, сидел тихо, лишь изредка прикрывая лицо ладонью во время кашля, и почти не привлекал к себе внимания.

Но стоило ему сбросить меховой воротник и явить миру своё лицо, как атмосфера в убогом заведении мгновенно переменилась. Казалось, они перенеслись из захудалого трактира на окраине Юнчжоу в самый роскошный Терем Вечного Блаженства Восточной столицы.

Почему именно туда? Да потому что сидевший перед ними юноша превосходил красотой любую столичную куртизанку — превосходил настолько, что это не поддавалось никакому сравнению. То была красота, запредельная для любого пола, стирающая грани между мужчиной и женщиной.

Каждое его движение дышало ленивой грацией. Сквозь полуопущенные веки поблескивали глаза — чистые и прозрачные, точно подтаявший на весеннем солнце снег. Слегка приподнятые уголки глаз придавали лицу едва уловимое, насмешливое выражение. Черты его лица казались творением великого мастера, который с тончайшей точностью выписал каждый контур искусным мазком кисти. По всем законам он должен был выглядеть утончённым, холодным господином, но Создатель выказал к нему чрезмерную благосклонность, добавив облику чувственной, почти греховной яркости. В этой красоте сквозило врождённое благородство, смешанное со светской притягательностью — зрелище, которое манило и одновременно заставляло держать дистанцию.

Чжун Дэю окончательно лишился дара речи. Он беззастенчиво уставился на красивого господина, напрочь позабыв и о приличиях, предписанных благородному мужу, и о том, что этот юноша только что произнёс.

К счастью, Ли Ланьтин опомнился быстрее. Справившись с секундным замешательством, он незаметно ущипнул приятеля за бедро под столом.

— Вы... шутите, молодой господин. Фамилия Сюнь встречается нечасто.

Сюнь Хайши негромко рассмеялся, но от этого движения в горле снова запершило. Он глухо откашлялся в кулак и кивнул:

— Действительно.

Свое полное имя он называть не стал — скорее всего, собеседники и сами не горели желанием его услышать.

Резкая боль в ноге наконец вернула Чжун Дэю рассудок, но вместе с тем краска мгновенно сошла с его лица.

— Господин Сюнь... — осторожно начал Ли Ланьтин. Заметив на лице собеседника дружелюбную улыбку, он осмелел и спросил: — Позвольте узнать, откуда вы держите путь?

Сюнь Хайши перевёл взгляд на Се Юйсуй.

Тот длинными, сильными пальцами лениво вертел в руках глиняную пиалу. Он разглядывал её с таким неподдельным интересом, словно держал редчайшее сокровище, а не дешёвую утварь из придорожного кабака. Князь всем своим видом давал понять, что вмешиваться в разговор не намерен.

К счастью, У Фэн оказался сообразительным. И хотя к Сюнь Хайши он не питал ни малейшей симпатии, молодой генерал прекрасно понимал: раскрывать карты сейчас невыгодно никому. Он поспешил разрядить обстановку и с улыбкой вмешался:

— Мы с Далёкой заставы. Места глухие, вряд ли вы о них слышали.

Он подлил обоим собеседникам вина и продолжил:

— Далёкая застава лежит к югу, там снега отродясь не видели. Кто же знал, что на севере так холодно? Мой названный брат и без того слаб здоровьем, а тут ещё и простудился в дороге. Не случись этого, мы бы и не подумали остановиться в Юнчжоу. Так что наша встреча — чистой воды судьба.

Чжун Дэю и Ли Ланьтин переглянулись. В глазах обоих промелькнуло заметное облегчение.

«Обычные путники, изнурённые дорогой, да ещё и этот болезненный господин Сюнь... Не может же он быть тем самым чудовищем из легенд?»

— И впрямь не ближний свет, — заметил Ли Ланьтин. — И куда же вы держите путь?

— В Восточную столицу, — на сей раз подал голос Се Юйсуй.

Восточная столица была главным городом царства Чжу.

— Решили навестить родню, — добавил У Фэн. — На днях получили весть, что у них в столице стряслась беда. Наш старик уже не в том возрасте, чтобы пускаться в столь дальний путь, вот и отправил нас, молодых, разузнать что к чему. Может, подсобим чем.

Ли Ланьтин почтительно сложил ладони:

— Простите нашу настороженность. Просто фамилия Сюнь заставила нас понервничать. Едва ли во всём царстве Чжу найдётся человек, которого не пугало бы одно это имя.

— Неужели? — Се Юйсуй говорил ровно и размеренно, тщательно выговаривая каждое слово. В его глубоком, низком голосе прозвучали судейские нотки, словно он зачитывал приговор. — Что же это за чудовище такое, раз один лишь слог вселяет в вас подобный страх? Неужто он губил невинных? Если так, то этот подлец заслуживает самой лютой смерти.

Упомянутый «подлец» как раз подносил к губам чашку с чаем. Услышав это заявление, он молча поставил её обратно, плотнее запахнул меховой воротник и прикрыл глаза, демонстрируя полное нежелание участвовать в беседе. Однако мысленно он сделал очень важную пометку.

Жаровня в углу грела вовсю, и вскоре Сюнь Хайши начало клонить в сон. Засыпая, он лениво размышлял о том, как умудрился докатиться до жизни такой, став безликим «человеком по фамилии Сюнь».

Как именно это произошло, Сюнь Хайши помнил смутно. Если верить У Фэну, его, едва дышащего и истекающего кровью, нашли в куче гнилой соломы. Се Юйсуй буквально вытащил его с того света. Не окажись князя рядом, Сюнь Хайши давно бы растерзали бродячие псы, так что теперь ему полагалось до гробовой доски благодарить своего спасителя и расшибать лоб в признательности.

— Забавно, — донёсся сквозь полусонную дымку голос Ли Ланьтина. — Говорят, когда разнеслась весть о кончине Сюнь Хайши, царства Дай и Цзяочжу, которые уже готовы были сойтись в кровавой сече, тут же бросили оружие, принялись поздравлять друг друга и развесили повсюду красные фонари, словно в Новый год.

Сюнь Хайши приоткрыл один глаз и лениво покосился на сплетника.

Ли Ланьтин, не договорив, внезапно вздрогнул от пробежавшего по спине озноба.

Поёжившись, он оглянулся на щель в дверях и что-то недовольно пробурчал себе под нос, а затем крикнул в глубь помещения:

— Лавочник! Не пора ли повесить приличный занавес? Весь холод в дом несёт, только дрова почём зря переводим!

Трактирщик, возившийся где-то в подсобке, отозвался на крик:

— Будет, почтенный, обязательно будет! Намедни какие-то буяны швырнули в занавес горящие угли, прожгли огромную дыру. Вот залатаю к завтрашнему дню и сразу повешу.

Сюнь Хайши продолжал лениво полулежать, пользуясь моментом, чтобы получше рассмотреть чужеземного князя.

Облик Се Юйсуя разительно отличался от утончённой, изнеженной красоты, столь ценимой в царстве Чжу. В разлёте его бровей сквозила суровая, непреклонная жёсткость. На бледном лице выделялись резко очерченные алые губы. Когда князь молчал, он плотно сжимал их, отчего у уголков рта пролегали жёсткие складки. Он совсем не походил на изнеженного холёного вельможу — скорее на сурового полководца, привыкшего повелевать армиями на поле брани.

Никакой он не Юй Суй. Сюнь Хайши прекрасно знал, кто перед ним, да и Се Юйсуй не питал иллюзий на его счёт. Красивая сказка о случайном спасении на дороге была лишь ширмой, состряпанной У Фэном. Истинные мотивы князя Сюнь Хайши ещё только предстояло разгадать.

«Неужели у Се Юйсуя ни разу не дрогнула рука, когда он нашёл меня полумёртвым? Почему он не добил врага, избавив своё царство от величайшей угрозы?»

Хотя царства Ци и Чжу на словах клялись в вечной дружбе, на деле они давно точили друг на друга зубы. Кровавой бойни не случилось лишь потому, что обе стороны пока не накопили достаточно сил и провианта для затяжной войны.

У Фэн оказался на редкость общительным малым и увлёк собеседников разговором на добрых пару часов. Лишь к вечеру метель наконец утихла, и путники, взглянув на темнеющее небо, поняли, что пора собираться в путь.

Посетители корчмы один за другим расходились, спеша добраться до города, пока не заперли ворота.

— Господа, не желаете ли доехать с нами в экипаже? — предложил У Фэн, поймав едва заметный кивок Се Юйсуя. — Места там предостаточно.

Ли Ланьтин поначалу хотел вежливо отказаться, но, бросив взгляд на сгущающиеся сумерки, прикинул, сколько времени займёт дорога пешком.

Снегопад прекратился, но сугробы намело приличные. На своих двоих они рисковали не успеть до закрытия ворот.

Решив не упрямиться, Ли Ланьтин благодарно поклонился:

— В таком случае не откажемся от вашего великодушия. С нас причитается кувшин хорошего вина при следующей встрече.

Они забрались в просторную повозку. Сюнь Хайши устроился в самом тёмном углу.

Его тело всё ещё было немощным. Неведомая тёмная сила медленно расползлась по телу, обволакивая меридианы липким, удушающим саваном.

Эта напасть настигла его столь внезапно, что он до сих пор не понимал её природы. Мощная внутренняя энергия, которой он владел, оказалась намертво заблокирована, превратив некогда грозного мастера в беспомощного калеку.

По дороге У Фэн продолжал без умолку болтать с попутчиками и незаметно выведал у них немало полезных сведений — в том числе и о местном военном комиссаре по умиротворению.

Как выяснилось, за спиной у того стояли весьма влиятельные люди: отец и старший брат занимали видные посты при дворе в Восточной столице. Почему же непутёвого отпрыска сослали в это захолустье? Всё просто: молодой человек отличался исключительной бестолковостью, предавался кутежам и без конца впутывался в грязные истории.

Управлять им было невозможно, пользы — никакой, вот семья и решила спровадить паршивца подальше с глаз долой, предоставив самому себе.

Так столичная язва обосновалась в Юнчжоу. С его приездом жизнь простых горожан превратилась в сущий кошмар. Поначалу, пользуясь вседозволенностью, этот негодяй похищал приглянувшихся ему местных девушек. Семьи пытались жаловаться, но все их попытки добиться справедливости душились в зародыше.

Теперь жители Юнчжоу оберегали своих дочерей пуще прежнего. Прежде чем отпустить девушку на улицу, родители разузнавали, не планирует ли военный комиссар по умиротворению прогулку по городу.

Официально он считался государственным мужем, но повадками больше напоминал разбойника с большой дороги.

Сюнь Хайши слушал эти излияния вполоборота. Самого военного комиссара по умиротворению он не знал, зато его высокопоставленный отец был ему отлично знаком. Ещё бы — Лян Хэчан, вице-канцлер второго ранга и великий наставник наследного принца. Человек, стоящий у самого жерла столичных интриг.

Дорогу развезло, и экипаж больше получаса тащился по снежной каше, пока наконец не показались городские ворота.

Там, как и ожидалось, дежурила стража. Впрочем, досмотр оказался чистой формальностью: один из солдат лениво заглянул внутрь, а после того как У Фэн незаметно сунул ему в руку несколько серебряных монет, карету беспрепятственно пропустили.

Юнчжоу не славился ни плодородными угодьями, ни важным стратегическим положением. Затерянный в глубине страны, город не нуждался в большом гарнизоне.

Местные чиновники, хоть и числились на службе в полном составе, предпочитали мирно предаваться праздности. Если не считать редких бесчинств военного комиссара по умиротворению, жизнь здесь текла относительно тихо и размеренно.

Оказавшись за городскими стенами, спутники тепло распрощались с попутчиками. У Фэн повёл лошадей к постоялому двору, который выглядел вполне прилично, но там их ждало разочарование — свободными оставались всего две комнаты.

— Мы с господином Сюнем займём одну комнату, а тебе достанется вторая, — ровным тоном произнёс Се Юйсуй, избавляя У Фэна от необходимости чесать в затылке в поисках другого ночлега. — Судя по всему, в других местах народу не меньше, так что нечего привередничать.

Хозяин гостиницы, угодливо потирая ладони, закивал:

— И то верно, благородные господа! Эти комнаты освободились буквально только что. Нынче в наших краях не протолкнуться: наехало полно книжников — снегами, видите ли, любуются. Да ещё и мастера боевых искусств пожаловали, толкуют о каком-то кладе. Уж не знаю, что тут можно искать, я тут сорок лет живу и ни о каких сокровищах не слыхивал. Но раз господа говорят, что клад есть — стало быть, не врут. Сейчас во всех трактирах места забиты под завязку, у некоторых даже в чуланах постояльцы спят!

У Фэн в замешательстве уставился на Се Юйсуй. Он попытался было что-то возразить, но под холодным взглядом хозяина осёкся и проглотил готовые сорваться с языка слова.

Молча отсчитав монеты, он забрал ключи и поплёлся следом за ними по деревянной лестнице.

Се Юйсуй не проронил ни слова, но У Фэн без труда прочитал немой вопрос в его глазах: «Если Сюнь Хайши вздумает напасть, ты сможешь его остановить?»

«Смогу ли я? — обречённо подумал У Фэн. — Да ни за что на свете. По правде говоря, даже наш князь вряд ли бы сейчас с ним совладал...»

Но озвучить эту мысль вслух он не отважился бы и под пытками.

Сюнь Хайши со стороны наблюдал за безмолвным диалогом хозяина и слуги. Сейчас его волновало лишь одно — поскорее добраться до постели. Ему было глубоко безразлично, с кем

делить ночлег. Разумеется, отдельная комната устроила бы его куда больше, но эти двое явно не собирались выпускать опасного пленника из-под надзора.

Едва дверь закрылась, Сюнь Хайши без сил повалился на кровать. Он лениво наблюдал за тем, как Се Юйсуй подходит к столу и переворачивает чашку.

— Неужели Его Высочество проделал столь долгий путь в царство Чжу лишь для того, чтобы разделить со мной ложе?

Дзынь!

Глиняная пиала с негромким стуком выскользнула из пальцев князя и покатилась по столу.

На лице Се Юйсуй на мгновение промелькнуло выражение крайнего недоумения, смешанного с досадой. Оно исчезло так же быстро, как и появилось, но Сюнь Хайши, не сводивший с него глаз, успел заметить эту секундную слабость.

Оставшись наедине с пленником, Се Юйсуй вернул себе привычное княжеское хладнокровие. Он неторопливо наполнил чашу чаем, сделал крошечный глоток и спокойно ответил:

— В таком случае, позвольте узнать, как великий глава ордена Сюнь умудрился докатиться до столь плачевного состояния и заслужить такую славу?

— Хм-м... — протянул Сюнь Хайши с ленивой усмешкой. — Сплетен обо мне ходит немало. О какой именно из них вы говорите, Ваше Высочество?

Се Юйсуй медленно окинул его взглядом с ног до головы, словно оценивая товар, и ровно произнёс:

— Сплотить несколько государств в едином порыве ненависти к вашей персоне — это, безусловно, редкий талант. Любопытно лишь, сколько в этих рассказах правды.

— Слухи не рождаются на пустом месте, — без малейшего смущения отозвался Сюнь Хайши. — В любой лжи всегда есть крупица истины. Так что же именно долетело до ваших ушей? Дворцовые интриги или... нечто более личное?

Се Юйсуй лишь изогнул бровь в немом вопросе.

Видя чопорное, непроницаемое лицо князя, Сюнь Хайши почувствовал, как в нём просыпается азарт. Даже ноющая боль в заблокированных меридианах отступила на второй план.

Он лениво повернулся на бок, подперев голову рукой. От этого движения воротник его одеяния слегка соскользнул, обнажив изящную ключицу и тонкую шею. Вкупе с его неземной красотой эта небрежная поза превращала его в истинное воплощение порока.

Очаровательный искуситель заговорщически подмигнул суровому князю:

— Неужели до вас не доходили слухи, что нынешний глава Павильона Небесной Оси, Сюнь Хайши, наделён красотой, способной сокрушать царства? И что равных ему нет во всей Поднебесной...

В комнате жарко пылал очаг. Огонёк свечи на столе тихо трещал, испуская крошечные искры.

Они замерли друг напротив друга — один на постели, другой на стуле. В тишине за окном какая-то ночная птица опустилась на карниз и хрипло каркнула.

Один источал соблазн и кокетство, другой хранил ледяное молчание. Наконец Сюнь Хайши наскучила эта безмолвная игра. Он досадливо вздохнул, натянул одеяло до самого носа и отвернулся к стене, бросив сквозь зубы:

— Всё, я сплю.

Его тяжёлый дорожный плащ остался лежать на полу, обнажив простое нежно-зелёное одеяние. В этом домашнем виде он несколько не походил на грозного злодея из страшных сказок — скорее казался юнцом, едва достигшим совершеннолетия, со всей его несносной, ребяческой дерзостью.

Се Юйсуй некоторое время молча созерцал его спину. Даже укутанная в тёплое одеяло, фигура главы ордена казалась слишком хрупкой.

Князь задумчиво постукал пальцами по деревянной столешнице.

В тёплой комнате Сюнь Хайши вздохнул свободнее — удушливый кашель наконец отступил. Разумеется, засыпать он и не думал. Каким бы безрассудным он ни был, спать в присутствии столь опасного человека было бы верхом глупости. Пользуясь тем, что лежит лицом к стене, он сосредоточился на собственном теле. Сюнь Хайши осторожно погнал остатки внутренней энергии по заблокированным каналам, пытаясь нащупать брешь в сковавшей его меридианы невидимой преграде. Ему нужно было вернуть хотя бы крупицу сил.

Неведомая дрянь, забившая каналы, напоминала густую, липкую смолу. Меридианы слиплись, не давая энергии течь свободно. Сюнь Хайши приходилось собирать остатки ци в тончайшую, как волосок, струйку и медленно, с ювелирной точностью пробивать путь сквозь эту вязкую черноту.

Внезапно в коридоре раздался тяжёлый, нестройный гул шагов. Буквально через мгновение в их дверь настойчиво забарабанили.

Сюнь Хайши замер, прислушиваясь к тому, как Се Юйсуй подошёл и отпер засов.

За порогом послышался знакомый голос — это был хозяин постоянного двора.

— Почтенные господа, смилуйтесь, — заискивающе залебезил трактирщик. — Тут такое дело... Внезапная проверка. Велено обыскать всех постояльцев без исключения. Не обессудьте, служивые люди подневольные!

— Мой спутник занемог и сейчас спит, — ровно ответил Се Юйсуй, стараясь говорить миролюбиво. — Пожалуйста, будьте потише.

Однако вежливость князя стражники пропустили мимо ушей.

Протиснувшись мимо лавочника, в комнату ввалились несколько хмурых стражников. Они и не думали сдерживать шаги, грохоча тяжёлыми сапогами по половицам. Один из них, обладатель зычного голоса, зевнул и рявкнул:

— Какое спать в такой час? Поднимайтесь давай! Приказ свыше: обыскать всех, и заезжих, и местных. Буди своего приятеля, тащите все вещи на стол. Быстро!

Се Юйсуй подошёл к постели и слегка коснулся плеча Сюнь Хайши:

— Глава ордена Сюнь, планируете и дальше притворяться спящим?

Князь прекрасно знал, что тот бодрствует.

Сюнь Хайши распахнул глаза и, прежде чем Се Юйсуй успел отстраниться, крепко вцепился в его ладонь. Он игриво провёл пальцами по мозолистой коже князя, а затем уставился на него жалобным взглядом, в котором без труда читалось: «Я так слаб, что не могу даже пошевелиться. Может, перенесёшь меня на руках?»

Се Юйсуй терпел этого несносного человека уже не первый день. Поначалу, пока Сюнь Хайши лежал без чувств, всё было тихо. Но стоило ему немного окрепнуть, как в нём проснулся невыносимый паясничавший шут. Глава ордена то и дело разыгрывал из себя распутного бездельника, преследуя лишь ему одному известные цели. Если вспомнить, при смерти этот великий мастер пробыл от силы пару дней, а на третий уже вовсю изводил окружающих своими выходками.

«Из какого вообще теста слеплен этот несносный субъект?»

Се Юйсуй мягко, но решительно высвободил руку и уже собирался сухо бросить: «В таком случае лежи», — как вдруг из коридора донёлся оглушительный грохот, за которым последовал яростный, зычный рёв:

— Ах вы, ублюдки паршивые! Решили на вашего дедушку У всех собак повесить?! Да я вас сейчас самих в дерьме утоплю, гниды!

Этот зычный, раскатистый голос невозможно было спутать ни с чьим другим. Орал У Фэн.

Се Юйсуй помрачнел на глазах.

Плотно сжав губы, он уже развернулся к двери, намереваясь навести порядок, как вдруг почувствовал холодное прикосновение к своим пальцам. Неугомонный больной снова вцепился в него, скорчив страдальческую гримасу:

— Ох, грудь так сдавило... голова раскалывается... и в животе колет... Похоже, я испускаю дух, Ваше Высочество...

Сюнь Хайши искренне намеревался лишь притворно пожаловаться на здоровье, но посреди фразы его горло внезапно сдавило спазмом. В следующий миг на пол брызнула струя алой крови.

Се Юйсуй молча перевёл взгляд с багрового пятна на деревянном полу на бледное лицо человека, который даже в таком состоянии продолжал цепляться за его руку. Под непрекращающийся крик и грохот из коридора в голове князя мелькнула усталая мысль.

«А может, ну его всё к чёрту? Пусть подышают...»

<http://bllate.org/book/20070/2001629>